

Черная дорога / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Черная дорога / рассказ ЧЕРНАЯ ДОРОГА

– Отвечай, кто такой Зорге! – орал он. Синяя жилка пульсировала на потном лбу.

Жирная ворона деловито ходила туда-сюда по карнизу, колупалась в горе семечковой лузги, долбила клювом мусорный пакет.

Таня молчала. Она не знала, кто такой Зорге. Она думала о сыне, что он сейчас дома один. Сделал ли уроки? Учительница звонила, мол, отстаёт он. А тут ещё этот Миша со своим Зорге. «Уж извините, господин философ, мне некогда думать о всяких Зоргах», – читалось в уставшем лице, в серых плосках глаз, обрамлённых белесыми короткими ресницами.

– Ну и дура. Иди отсюда, – заключил Миша. Постучал кулаком по лбу, достал из кармана треников «Композицию», открыл об стол. Любил пить дешёвое.

– То есть, как это? Я же...

Будто по голове пыльным мешком. Очнулась.

– Миша, я к тебе полгода зря, что ли, таскалась? Мыла тут все, плевки твои сраные оттирала! А, что молчишь, сука? – метнулась она. Ярость поднималась медленными толчками, просыпалась в ней, озаряя смыслом, но гасла бессильно.

Вот уже лет десять как умер её Лёшка, с того всё прахом и пошло. Дом без мужика стал как ветхий сарай. По полу дует, вечно что-нибудь ломается. И сын без отца, чахленький, с трудом учёба идёт, ездят на нём пацаны из класса, кто пошлее. Одиннадцатый год пошёл, ещё тянуть и тянуть. С двумя работами у Тани, от природы крепкой, варикоз начался. Видела, как превращается в бесформенный обрубок фигура, но было некогда, да и наплевать. 40 лет, и ты уже не женщина, ты – мускульное напряжение. Фиолетовые вздутые вены на кистях и щиколотках. Серые корни приходится закрашивать в блонд. А из косметики у тебя карандаш для бровей, тушь, крем «Ромашка» и одна помада. До того ли?

Вставала в пять, ехала со своего Долгого Лёдова в Москву, работала там в продуктовом. Три раза в неделю по вечерам, придя с суток, убиралась в квартире у богатого старика. Тот старик и сказал про Мишу Сколкова.

Мише 47, разведен, в Балашихе дом себе отгрохал двухэтажный, в Москве три квартиры родители ему оставили. Бизнесом видно ворочали не плохим, раз сделали сыну такое наследство. Старик как-то пил с этим Мишей, Таня как раз убираться пришла. Сразу и смекнула – это шанс! Ребёнка поднимать надо? – надо. А Миша хоть и показался странноватым, ну так что ж теперь, у богатых свои причуды.

Гонять любил, так чтобы тормоза ревели и борозды по асфальту, потому машины менял каждый год. То же с вещами: чем дороже – тем круче, и обязательно надо испоганить. Вот привезут Мише кожаный диван, он на него в грязных калошах уляжется с бутылкой, музыку врубит какую-нибудь мучительно-грустную, уснет в слезах и в соплях пьяный, бычки об обивку будет тушить, заблюёт всё, исскребет.

Или вот ещё. Щенка ему как-то дружок привёз, лабрадора. Гладкий такой щенок, глаза – будто влажные окатыши, весёлый, ласковый. Таня накормила его, место сделала у батареи. Утром через два дня приходит, зима ещё была. Смотрит, щенок на цепи сидит, на улице, без будки! Мороз градусов двадцать. Сердце сжалось – отвязала его, понесла в дом. Миша был пьяный как обычно, из окна увидел, давай орать: «Моя собака! Пусть привыкает дом сторожить!». Уговорила всё-таки, занесла щенка, постелила ему в котельной. К вечеру он кровью ссать стал, застудился. В следующий раз, когда Таня приехала, в углу котельной, за самой печкой, щенок лежал клубком, а по его сухому носу ползала зелёная муха.

Пьяный Миша был конченным отморозком: по улице нельзя было спокойно с ним пройти, то бабу чужую обнимет, то к пацанам в парке подойдет и специально полезет на рожон. В забвении он был целен, будто сработан без гвоздя. Пышущее, животное здоровье. Хитроватые блестящие карие глаза, всегда с прищуром. Пружинистая стремительная походка, показывающая всем видом, что перед вами “тёртый”, приклатнёный. Заполнение пространства

полнокровным присутствием: его было много: и слышно, и видно. Протрезвев, он рушился. Опадали мускулы, тело становилось рыхлым, круглая темноволосая голова свисала на грудь, так что Миша становился похож на тяжёлого распоротого плюшевого медведя.

Он не заметил ухода Тани. Квасил ещё две недели, а потом попал в больничку. Местные на него попёрли. Как-то раз бухал у одного, договорились делать вместе бизнес. Коней разводить. Миша кивал головой, ржал во все горло с мужиками. А потом как дошло до денег, вдруг передумал. Щелкнуло что-то в башке. «Нахера мне это? Вы сейчас выстроите все так, что мои деньги в ваших карманах осядут. А я кормить никого не хочу», - горланил он, развалясь в кресле. Те ему объясняют, что уже аренду за конюшню заплатили, за офис. Все на мази, только его доли не хватает. Договаривались одно, а тут Миша на попятную пошёл. Потом ходил блажил у них под воротами – скучно стало. Идиот. До белого каленья всех довёл. Терпели-терпели, однажды собрались с битами, отхерачили его на выезде из Балашихи. В кому впал.

А Таня вздохнула спокойно. Работа та же, так хоть Мишину рожу не видеть. Не молчать и не прогибаться, терпя хамство. Всяко обзывал. «Блядью паршивой» и тупорылой бабой, просто так, потому что язык у него помело. Она все терпела, трезвого жалела даже. По трезвяку и случилось у них, так бы в жизни не легла. В потолок смотрел, целый день пластом лежал, скрестя руки на груди.

– Знаешь, – говорит, – почему святых больше нет среди людей? Ну, скиты раньше были...Аввакум, Сергей. Не будет больше. Почему, а? Как ты думаешь?

– Не знаю, Миш, – бесцветно ответила Таня, бросив на батарею тряпку для пыли. Села рядом. – Наверно потому что людям сейчас не до того. Жить надо, детей поднимать...

– Нет, не поэтому. Я понял вот сегодня. Лежал тут, на ветру, окно открыто. Птицы там чирикали, галчата что ли...Тихо так, поезд ещё вдалеке шёл... И вот я понял.

– И что же? Ты б лучше пил поменьше, Миша.

– Да не о том речь! – гаркнул Миша, раздражаясь, – Святых нет

больше, понимаешь? Одни фанатики. Это же как работа, быть фанатиком. Приходишь и орешь «Аллилуйя!». Или лоб расшибаешь. Это не от того, что они в бога верят. Просто все остальное им надоело и хочется высшей защиты. Святость это как проказа, понимаешь? Её ещё выдержать надо. Не возгордиться, – с каким-то остервенением продолжал он.

Таня смотрела как-то тупо, будто ей навстречу из кустов выпрыгнул кто-то страшный и она не успела испугаться. Мише, казалось, было всё равно. Он исторгал, как радио, комната в мозгу сжалась в точку на потолке – в зеленоватый блик от светодиода.

– Святость – это не один Бог, это поклонение богу в людях. В лучшем случае, у нас появится Наполеон... но не святой. Потому что святой это последний человек, в которого плюют и пальцем тыкают. И он не терпит это отрешенно. Ему больно за каждый плевок в него не потому, что его унижают, а потому что тот, кто плюёт, уже не человек... погибшая душа, которая в руках дьявола.

– Ну ты и выдал, Маша, – снисходительно улыбнулась, – ответь же мне, ты-то почему пьёшь столько? Откуда у тебя такие мысли?

– Потому что я, вроде как, вот такой недоделанный святой, – вздохнул он спокойно. Опухшее лицо молочного цвета, казалось, вот-вот расплывётся по подушке от просветления.

– Ты святой? -захохотала она, – не смей меня, Миша!

Он замолчал. Закрыв глаза и лежал так с минуту. Видно было сквозь веки, как он закатил глаза вверх. Это помогает сдерживать слёзы. Но кисельное тело его уже напряглось едва видимо задрожало.

– Я слабый, а значит обычный, – сказал он тихо.

– Ну и что? Разве это плохо, быть обычным? Людей много, все разные. И никто не хочет быть святым... мы рождаемся такими, понимаешь? – она робко придвинулась, стала гладить его по голове.

– Да ничего! Я не хочу как все, не хочу! Слышишь ты? Я же всё вижу. Какие они уроды, люди! Мать вон моя, сука, вся в золоте ходит. Ваньке брату в Лейпциге трёшку отписала, три магазина. А мне – нихера! В России, в самой больной стране оставила...

паршиво мне, Тань! За бугром все за фасадом, говно и то в обертке...а тут всё как есть. Глаза девать некуда! Сначала жалко было, теперь противно.

– Вот чего удумал, – вздохнула Таня осторожно.

– Это гордыня. Я вижу, я один... вот они, в кругу, – тут он резко приподнялся на кровати и начертил грязным ногтем в воздухе круг, – А я за чертой. И я никому не нужен. Ты свободен, но ты в плену... в чёрной комнатке своего эго. Завидовать ты не можешь им, потому что видишь их безобразие. Но и полюбить не можешь. Потому что полюбить – значит стать как они. И ненавидеть тоже не можешь, потому что кроме них больше никого нет...

– Значит, полюби. И станешь нужен, – попробовала успокоить Таня.

Он уткнулся в её крепкие полные колени и заплакал.

– Не могу! Бог смеётся надо мной. Он дал мне зрение и бросил к опарышам, в уличный колхозный туалет. Чтобы я смотрел на это всю жизнь...

– Поплачь. Ну что ты, что ты... – тревожно залепетала она. Поцеловала в голову машинально, как ребёнка. Не почувствовала ничего. Хотелось собой заслонить от мира. Он и не сопротивлялся. Так стало привычкой.

Когда узнала, что он в коме, не удивилась. Он никому жизни не давал. Никто же не знал его настоящего, она только. Любовь? Да какая любовь. Таня и сама не понимала, что это. А жить с ним не смогла бы.

Деньги с неба сыплутся, посиживает себе, на всем готовом. Однажды она очень унизилась перед ним: попросила сыну на компьютер, у всех уже были, а у её Толика нет. Надо было у трезвого просить, ждать не стала. Начал выступать, чуть не смыл в унитаз десять тысяч, она отобрала. Обматерил и сказал не приходить. Это был первый раз. Кто-то из кожи вон лезет, а кто-то, как Миша, живёт, чтобы портить вещи.

Он очнулся утра в четыре. Сознание с болью вонзилось куда-то между глаз, как встреча. Он был жив. Открыл глаза, несколько минут остекленело пялился в потолок, на стены. В открытое окно палаты смотрело бурое осеннее небо. Во дворе противно скрипела

пустая качеля. Миша Сколков резко понял, что не выдержит. Содрал с тела проводки капельниц, резко встал босыми ногами на обжигающе холодный кафель. «Бежать!» – ударило в голове. В тумбочке отыскал чужие трико и футболку. Ему вдруг показалось, что это тряпьё пахнет старостью и смертью. Вылез не замеченным через окно, поймал такси.

Дома переоделся в своё, заказал еды и водки. Пил так, будто соскучился. Потом вспомнил про машину и про свои трезвые мысли. Бред! Газанул до упора, разогнался... Выехал на трассу, врубил музыку. «Ехать бы так, и ехать» – мелькнуло в голове. Дорога несла его как река. Барахтаться не хотелось. Вдалеке был свет, неизбежный и пронзительный. Только тёмные куски несшитого пространства неслись между фонарями и деревьями.

Об авторе: МАРИНА МАРЬЯШИНА

Родилась в городе Муравленко (ЯНАО), живёт в Москве. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер» и др. Учится в Литературном институте им. А.М.Горького.
Neкаýalar